

Предисловие переводчика

Греко-турецкая война 1897 года сегодня относится к числу забытых. Небольшой конфликт между второстепенными государствами не выделялся ни продолжительностью, ни размахом, ни драматизмом. И все же в начале XXI века будет уместно вспомнить о нем. Ведь сегодня именно такой тип конфликтов — короткие войны из-за спорных территорий, которые малые страны ведут с оглядкой на более сильных соседей, — по-прежнему остается весьма актуальным. События вокруг Карабаха осенью 2020 года в очередной раз продемонстрировали это.

Кольмар фон дер Гольц — один из крупнейших германских военных теоретиков рубежа XIX–XX веков — писал свое исследование по горячим следам. В его лице мы имеем дело не просто с современником событий, смотревшим на них глазами профессионала. Фон дер Гольц на протяжении многих лет (с 1883 по 1895 год) был немецким военным советником в Османской империи и принимал самое деятельное участие в реформировании турецкой армии, в том числе в подготовке новых командных

кадров. И для него самого, и для его питомцев война 1897 года стала своего рода экзаменом, который они выдержали успешно.

Благодаря своему близкому знакомству с османской армией фон дер Гольц может сообщить читателю детали, неочевидные для стороннего наблюдателя. Он располагал подробной информацией о действиях турок и мог весьма глубоко анализировать принимаемые османским командованием решения. Куда менее близким было его знакомство с греческой армией. Тем не менее, имевшихся у фон дер Гольца сведений было вполне достаточно для того, чтобы воссоздать полную картину короткой кампании. Весьма ценным является то, что автор не просто описывает события, но и дает подробный профессиональный комментарий.

Книга фон дер Гольца посвящена в первую очередь ходу военных действий. Поэтому, чтобы ввести читателя в курс дела, вкратце опишем политический контекст греко-турецкой войны 1897 года.

К концу XVIII века Османская империя, когда-то являвшаяся грозой всей христианской Европы, значительно ослабла. Ее сотрясали внутренние кризисы, а ряд поражений в войнах с Россией продемонстрировал неспособность эффективно противостоять современным великим державам. На повестку дня встал так называемый Восточный вопрос – вопрос о дальнейшей судьбе Османской империи в европейской системе международных отношений.

В столицах великих держав слабость турок вызывала не радость, а озабоченность. Здесь прекрасно понимали, что крушение и последующая борьба за османское наследство легко могут привести к большой европейской войне. Войне, которой не хотел никто. Поэтому Восточный вопрос во многом являлся вопросом о сохранении Османской империи — задача, которую удавалось успешно решать вплоть до Первой мировой войны.

Тем не менее, борьба балканских христиан за свою независимость не могла оставить европейцев равнодушными. Турок могли поддерживать исходя из рационального расчета, но мало кто действительно симпатизировал им (фон дер Гольц — одно из редких исключений). Идея христианской солидарности в XIX веке дополнилась идеями о праве наций на самоопределение. Поэтому в течение этого столетия Османская империя с согласия и под контролем великих держав шаг за шагом теряла свои владения в Европе — независимость получили Греция, Румыния, Черногория, Сербия, Болгария... Каждый такой шаг ухудшал положение турок, поскольку новые независимые государства имели к старой империи серьезные территориальные претензии. При каждом удобном случае правители в Афинах, Белграде или Софии стремились оторвать кусок от османских земель. Сами они мало чем рисковали: великие державы не допустили бы серьезного нарушения баланса в пользу турок. Правда, в крушении Османской империи

в Лондоне, Париже и Вене не были заинтересованы — это отчетливо проявилось в ситуации Крымской войны. Но небольшое перераспределение территорий в пользу местных игроков было вполне допустимо.

Греки успешно воспользовались слабостью Османской империи после ее поражения в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Оказав серьезное давление на Стамбул, они добились созыва в 1881 году международной конференции, по итогам которой без единого выстрела получили значительную часть Фессалии и Эпира с 300-тысячным населением. Несколько лет спустя, в разгар Болгарского кризиса 1885–1886 годов, греки попытались повторить тот же самый фокус, однако обнаружили, что потенциальные союзники — сербы и болгары — заняты увлекательной грызней друг с другом, а турки реально готовы воевать.

Очередной шанс представился в 1896 году, когда на принадлежавшем Османской империи Крите вновь вспыхнуло восстание. Греческая общественность громко требовала помочь соотечественникам; в январе на остров были отправлены добровольцы. Это делало прямое столкновение двух держав практически неизбежным. В Афинах рассчитывали на внутренние проблемы Османской империи, которые, возможно, вынудят ее отказаться от борьбы. В то же время международная обстановка была для греков не слишком благоприятной: внимание великих держав было приковано к событиям на Дальнем Востоке. Россия

и Австрия, главные антагонисты на Балканах, предпочитали сохранять друг с другом хорошие отношения, поддерживать статус-кво и пресекать локальные конфликты. В этих условиях добиться своей цели Греция могла только одним путем — одержав убедительную победу на поле боя.

На этом месте предыстория войны завершается, и я с удовольствием передаю слово Кольмару фон дер Гольцу. При переводе авторский текст был незначительно сокращен — исключены сюжеты, не имевшие прямого отношения к войне 1897 года. Названия крупных населенных пунктов и горных массивов в тексте для удобства читателя по большей части заменены на современные, названия небольших деревень оставлены в авторской редакции. Стоит отметить, что фон дер Гольц предпочитает использовать турецкие названия. Текст снабжен необходимыми примечаниями.

Николай Власов,
январь 2021

Предисловие автора

Однажды я беседовал с покойным военным министром Турции Али Саиб-пашой — он был не только хорошим военным администратором, но и мудрецом и философом, — обсуждая с ним вопросы мобилизации. Старый господин дружелюбно посмотрел на меня умными серыми глазами и, погладив рукой белоснежную бороду, спросил: «Вы все время говорите о необходимости готовиться к войне; уверены ли Вы, что нам еще придется вести хоть одну кампанию?»

Верный нашему прусскому принципу «всегда начеку», я заявил, что нужно быть постоянно готовым к войне, поскольку она в любой момент может начаться. Однако я ясно ощущал, что эта логика всегда останется чуждой расслабленному Востоку.

На лице Али Саиба заиграла саркастическая насмешка, и он спокойно ответил мне: «Я не верю, что будет война, и в Высокой Порте в нее тоже не верят. А если она все же случится, я до этого уже не доживу».

В последнем вопросе он оказался прав, но в остальном ошибался. Война пришла — рань-

ше, чем кто бы то ни было мог подумать. Она не была большой схваткой, в каких решаются судьбы народов. И все же она имела большое значение для страны, в развитии вооруженных сил которой я некогда принимал деятельное участие.

Фессалийская кампания неожиданно привлекла внимание цивилизованного мира к турецкой армии, чья энергия на поле боя стала для всех сюрпризом. В лице Турции появилась новая величина, с которой теперь следовало считаться. Хотя двумя десятилетиями раньше турки храбро сражались под Плевной, у Зивина и Дели-баба, хотя в их рядах были такие выдающиеся полководцы, как Осман, Ахмед Мухтар и Фуад-паша, но все они оказались незаслуженно забытыми из-за сокрушительного поражения, которое османские войска потерпели от превосходящих сил противника.

Плачевное внутреннее положение империи, почти непрерывная цепь потрясений полностью заслонили от глаз окружающего мира ту большую жизненную силу, которая, невзирая ни на что, живет в турецком народе. В течение последних двух десятилетий в Турции повеял свежий ветер любви к отчизне, мужества и искренности, началось новое возвышение и усиление страны. Хотя на этом пути туркам приходится преодолевать гигантские сложности, они уже кое-чего достигли. В частности, речь идет о прогрессе в военной сфере, который принес свои плоды во время Фессалийской войны.

Эта книга написана во многом для того, чтобы поддержать вышеописанное развитие. Я собираюсь подчеркнуть сильные стороны турецкого государства и войска, но в то же время с откровенностью настоящего друга указать на недостатки и ошибки, которые еще предстоит исправить в будущем. Слабого врага удалось одолеть, солдаты и офицеры турецкой армии могут по праву гордиться своей победой. Но на этом еще ничего не закончилось. Кто знает, так ли далек тот день, когда Османской империи придется пройти несравнимо более серьезное испытание. К тому времени она должна сделать еще один большой шаг вперед, не теряя ни единого дня на поприще совершенствования своих вооруженных сил.

Я хотел бы, чтобы мои соображения оказались полезными для этого развития. Я до сих пор всей душой привязан к армии, частью которой был долгое время.

Тот, кто вскоре после окончания войны пишет о ней и позволяет себе при этом слова критики в адрес победителя, рискует вызвать недовольство в свой адрес. И все же я рискну поступить именно так, надеясь, что мои прежние товарищи по оружию увидят, что я руководствуюсь исключительно добрыми намерениями. Возможно, я в чем-то ошибусь, поскольку имеющиеся у меня сведения могут не вполне точно отражать заслуги и упущения каждого отдельного офицера. Здесь я хочу апеллировать к непреложному правилу, кото-

рому рекомендовал бы следовать всем критикам: «Поиск истины не запрещен!»

Хотя некоторые детали кампании пока неизвестны, составить общий обзор вполне возможно. Османское правительство великодушно позволило присутствовать в действующей армии не только военным атташе иностранных держав, но и квалифицированным военным корреспондентам больших газет, не чиня им никаких препон. Это большой прогресс по сравнению с прежним положением дел, и он наверняка принесет хорошие плоды. Сообщения очевидцев из Фессалии удивили Европу и в немалой степени способствовали тому, чтобы уменьшить все еще существующую дистанцию между Западом и Востоком. С турецкой стороны мы наблюдаем похвальное желание сравняться с Западом и обеспечить своей армии уважительное отношение со стороны окружающего мира. Уже сама эта потребность свидетельствует о значительном моральном подъеме. В конце концов, Турция и турецкая армия пользовалась бы в Европе куда большим уважением еще до событий 1897 года, если бы была написана история русско-турецкой войны с османской точки зрения.

Надеюсь, что и в этом отношении короткая и успешная кампания против Греции станет началом новой эры.

Кольмар фон дер Гольц,
1898 год

Глава 1

Мобилизация

Непосредственным поводом к войне стала высадка греческих войск полковника Вассоса на охваченном восстанием Крите 14 февраля 1897 года. Тем не менее, в Европе были уверены, что мир удастся сохранить. В конце концов в 1885 году Высокая Порта снесла подобное нарушение границ и отдала цветущую автономную провинцию, даже не попытавшись взяться за оружие¹. По всей видимости, воспоминание об этом оказало большое влияние на принятие решений греческой стороной.

Это мнение не изменилось, даже когда 15 февраля был отдан приказ о мобилизации четверти турецкой армии. Нечто подобное произошло и в 1885 году. Кроме того, в одном отношении момент вторжения в Османскую империю был выбран удачно. Только что завершились беспорядки в Армении, вызвавшие не только глубокий политический, но и финансовый кризис, не знавший себе равных. Тор-

¹ Имеется в виду Восточная Румелия, присоединившаяся к Болгарии.

говля и деловая жизнь лежали в руинах, нужда в деньгах достигла крайней степени. Казалось, что государство исчерпало свои ресурсы и не будет вообще в состоянии вести войну. Так по крайней мере говорила международная пресса. Дела обстояли плохо, но на Востоке умеют найти выход, и любая другая страна, оказавшаяся в подобной ситуации, могла бы поучиться у турок.

Последний заем, выданный турецкому правительству Оттоманским банком, был только что истрачен; новые переговоры не увенчались успехом. Остальные крупные кредитные институты, способные прийти на помощь, не стали этого делать. В провинциальных кассах были совсем незначительные средства, в столичных дело обстояло не лучше. В распоряжении военного министерства находились лишь скромные суммы, предназначенные для удовлетворения текущих потребностей. Правда, рассказывали легенду о военном сокровище, собранном еще Османом-пашой; она нашла свое отражение даже в дипломатических отчетах, но на проверку оказалась всего лишь слухом. Кое-какие деньги удалось найти в пенсионной кассе; помимо нее, правительство привлекло средства из аграрных касс взаимопомощи. И там, и там были размещены частные средства. Пенсионная касса формировалась за счет отчислений офицеров, аграрные — из взносов землевладельцев. Но голод — не тетка, и в текущей ситуации все в конечном счете согласилось с тем, чтобы

правительство взяло деньги, ему не принадлежавшие. Пенсионеры должны были как-нибудь продержаться, земледельцам милость Аллаха должна была принести хороший урожай (и летом он действительно оказался отличным). Принудительная конфискация оказалась облачена в маску кредита.

Наконец, для мобилизации был использован так называемый «добровольный национальный заем». Добровольность соблюдалась не слишком строго, и взносы солдат и офицеров были увеличены за счет уменьшения жалованья, выплачиваемого им в Рамадан.

Все это может показаться несколько необычным для западных европейцев, испорченных педантичным порядком и законностью. Однако мусульмане не видели в происходящем ничего особенно удивительного и тем более несправедливого.

Сколько денег удалось в итоге собрать, точно неизвестно. На основании имеющихся данных можно сделать вывод, что сумма не превышала 18–20 миллионов марок — ровно столько, сколько необходимо германской армии военного времени на один день боев. Кажется, что такие деньги ни на что серьезно повлиять не могли, и все же их хватило для турецкой мобилизации. Ни одна другая страна в мире не смогла бы выставить в поле армию такой численности так дешево. Денег хватило на то, чтобы заплатить поставщикам, без которых невозможно было прокормить армию, и нанять суда для переправы войск, а также

возместить путевые расходы отдельным офицерам и чиновникам. Большого и не требовалось: мобилизацию на местах должны были оплатить генерал-губернаторы провинций. Деньги они получили за счет более раннего сбора налогов. Кроме того, были произведены закупки лошадей и имущества, а жалование солдат и офицеров пообещали выплатить когда-нибудь потом, предоставив их семьи защите небес и милосердию более зажиточных друзей и соседей.

Помимо финансовых проблем, быстрое развертывание армии могло затруднить еще одно обстоятельство. В предыдущие беспокойные годы батальоны анатолийского редифа² уже несколько раз созывались, солдат отрывали от мирной жизни, заставляя бросать работу. И теперь только серьезная мотивация могла вновь собрать их под знаменами. Возможно, противник рассчитывал, что общее недовольство населения серьезно затруднит мобилизацию.

К этому добавлялась всеобщая уверенность в том, что султан Абдул Хамид II ни при каких обстоятельствах не возьмется за оружие.

Все три надежды оказались обманутыми. Деньги нашлись, резервисты явились на сборные пункты, и султан решил воевать — хотя, как представляется, с большой неохотой.

² Редиф — система, во многом аналогичная прусскому ладверу: подразделения второй линии, формировавшиеся при мобилизации из резервистов старших возрастов. В русском переводе часто не очень удачно называлась «ополчением».

Как известно, турецкая территория делилась на семь армейских округов («орду») с главными квартирами в Константинополе, Адрианополе, Салониках, Эрзинджане, Дамаске, Багдаде и Сане (в Аравии). К этому добавляются две отдельные дивизии — одна в Хиджазе защищала священные города, вторая размещена в Триполитании в Африке.

В первых шести армейских округах имелись линейные части («низам»), ландвер («редиф») и ландштурм («мустафиз»)³. В каждом орду имелись две линейные пехотные дивизии (по 16 пехотных и одному егерскому батальону), кавалерийская дивизия (шесть полков по пять эскадронов в каждом) и артиллерийская дивизия (шесть полков по шесть батарей, а также конный дивизион из трех батарей), инженерный и транспортный батальоны и телеграфная рота.

Этот порядок соблюдается отнюдь не везде. В 1-м орду отсутствовали некоторые батальоны, которые еще предстояло сформировать в соответствии с проведенной осенью 1895 г. реструктуризацией линейных частей. В 3-м орду, охватывавшем Македонию, Албанию, Эпир и турецкую Фессалию — весьма беспокойный район, — насчитывалось четыре пехотных дивизии (5-я, 6-я, 17-я и 18-я). В 4-м их было три (7-я, 8-я и 19-я). В 6-м орду артилле-

³ Ландштурм — территориальное ополчение, формировавшееся в случае военной необходимости из всех мужчин, не подлежавших призыву в армию.

рия, а в 7-м орду еще и кавалерия существенно слабее, чем в остальных; это диктуется местными условиями. В Хиджазе и Триполи имелись свои особенности, но мы не будем их касаться, поскольку войска из этих удаленных провинций не принимали участия в кампании.

В первых пяти орду имелось по четыре дивизии редифа по 16 батальонов в каждой. Как и линейные, эти дивизии были разделены на полки (по 4 батальона) и бригады (по 8 батальонов). Кроме того, в каждом орду было по две дивизии мустафиза (в общей сложности 32 батальона). В 6-м орду редиф и мустафиз были представлены в меньшем количестве, в 7-м, а также в Хиджазе и Триполи их не имелось вовсе.

Мобилизация затронула только соединения первых четырех орду. Территория 1-го округа включала в себя Константинополь, его ближайшие окрестности на европейском берегу и ряд вилайетов на азиатском (Бурса, Кастамону, Ангора, Кесария). 2-й округ разделен на фракийскую (Адрианополь) и анатолийскую часть. Основная его территория охватывает южную часть Малой Азии. Та же ситуация — с 3-м округом: в Европе он простирается на запад от Месты до Адриатического моря (Салоники, Косово, Скутари и Янина), в Азии включает в себя богатый вилайет Айдин вокруг Смирны. Наконец, 4-й округ охватывает весь Курдистан и армянские горы. Эта информация необходима нам для того, чтобы оценить дальнейшую подготовку Турции к войне.

Первыми на военное положение перешли линейные части 3-го орду, находившиеся поблизости от греческой границы: 6-я, 5-я, 17-я и 18-я дивизии, а также вся кавалерия и артиллерия. Одновременно был отобилизован редиф: 1-я, 2-я и 3-я дивизии из 1-го орду, бригада из Антали (2-й орду), 9-я и 10-я дивизия и одна бригада 11-й дивизии из 3-го орду. 4-й орду направил на театр военных действий резервную дивизию из Трапезунда. Таким образом, под знамена было призвано 116 батальонов редифа. Общая же численность турецкой армии к началу войны составляла 166 батальонов, 30 эскадронов и 38 батарей. Вскоре к ним присоединились 16 батальонов 7-й резервной дивизии из 2-го орду.

Призыв 1897 года провели в спешном порядке, до назначенного срока; одновременно мобилизовали резервистов линейных дивизий. Их оказалось недостаточно, и дивизии 3-го орду были пополнены за счет 1-го и 2-го округов. Новшеством стало то, что резервистов сразу собрали в маршевые подразделения и отправили в линейные части, в то время как раньше их перевозили вместе с редифом.

Разумеется, войскам многого не хватало. Униформу мобилизованным резервистам должно было выдать военное министерство или командование округа, однако эта централизация неизбежно приводила к задержкам. Батальоны редифа должны были получить все необходимое с особых складов, однако имев-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru